

ВИКТОР
МИХАЙЛОВ

ЛЕГЕНДАРНЫЙ СОВЕТСКИЙ ШПИОНСКИЙ РОМАН ОТ КЛАССИКА ЖАНРА

НА КРИТИЧЕСКИХ УГЛАХ

ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Виктор Семенович Михайлов

На критических углах

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74457256

На критических углах : Роман / В. С. Михайлов; Родина; Москва; 2026

ISBN 978-5-00269-465-5

Аннотация

Автор этой книги, Виктор Семёнович Михайлов (1898–1973), был одним из самых популярных советских писателей пятидесятых годов. Специализация Михайлова – военные приключения – определяла читательский интерес к его сочинениям.

Перед вами культовая книга. Роман обязателен к прочтению для всех ценителей ностальгического жанра, который позволяет окунуться в атмосферу советского времени и большой шпионской игры, в которой состязались разведки СССР и стран НАТО.

Середина 1950-х. Разгар Холодной войны. Убитым найден техник-лейтенант Родин. С этого преступления и начались поиски вражеского агента, который пробрался в один из полков Советской истребительной авиации. Он охотится за технической документацией нового ракетного истребителя. Кто он – враг? Продавшийся за доллары гражданин СССР или агент, заброшенный из-за кордона? А, может быть, против интересов

Советского Союза действует целая подпольная организация?
Наступает критический момент – чекистам нужно определиться.

Содержание

I. Криптограмма	6
II. Майор Комов	14
III. День обычный	24
IV. Падают цветы сурепки	33
V. Личное дело	46
VI. Выстрел в спину	58
VII. Гроза	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Виктор Михайлов

На критических углах

© ООО «Издательство Родина», 2026

I. Криптограмма

До приема очередной метеосводки оставалось четыре минуты. Перед радистом лежал чистый бланк кольцевой карты погоды. Каждые два часа нечетного времени на такую карту наносились условные знаки облачности, направления и скорости ветра, атмосферных давлений и температуры воздуха.

Радист медленно повернул верньер, и волосок на шкале подошел к цифре 10, сводка передавалась на частоте 10 300 килогерц.

За окном стояла непроглядная тьма. Обитые войлоком двери не пропускали посторонних шумов, и только по-комариному тонко звенел выпрямитель. Надев наушники в неуклюжих чехлах из резиновой губки, радист осторожно повернул верньер плавной настройки. Вдруг он услышал незнакомые сигналы, передаваемые азбукой Морзе. Точки и тире очень высокого и сильного тона, точно иголки, вонзались в уши. Он перевернул исписанный лист тетради и начал принимать передачу.

Метеосводки передавались группами цифр в пять знаков каждая, неизвестная станция передавала непрерывно одну цифру за другой, но в очень замедленном темпе.

Привыкнув к приему метеосводок, передаваемых механическим путем, когда приходится записывать до ста двадцати знаков в минуту, эту передачу радист принимал легко.

Ровно в три часа тридцать минут неизвестный передатчик замолчал, и почти на той же волне, чуть повернув верньер, радист услышал начало передачи Главного управления гидрометеорологических станций. Привычно определяя местонахождение индексов, радист быстро наносил условные знаки в квадраты кольцевой карты.

За соседним столом дежурный офицер анализировал предыдущую сводку. Под рукой лейтенанта на карте погоды возникали желтые пятна туманов, зеленые кружки осадков и красные знаки грозových фронтов. От точек наименьшего давления – циклонов – и высокого давления – антициклонов, словно рыбы всплески на спокойной воде, разбегались в сторону волнистые круги.

Закончив прием метеосводок, радист доложил дежурному офицеру о записанной им передаче закрытого кода.

В тот же день начальник метеорологической службы сообщил об этом подполковнику Жилину и передал запись, сделанную радистом.

Жилин пытался дешифровать перехваченную криптограмму, но несколько часов кропотливого и упорного труда не дали никаких результатов. Позвонив замполиту Комову, подполковник вышел из отдела и углубился в лес.

Жилин был человек на вид лет пятидесяти, коренастый, широкоплечий, с гладко выбритой головой, светло-кариими, немного широко поставленными глазами, смотрящими пытливо и в то же время весело из-под тяжелых набухших век и

кустистых бровей. Темная, чуть тронутая сединой щеточка усов скрывала мягкую линию его рта.

Подполковник шел по лесу, и под его грузным шагом громко хрустел валежник. Узкая тропинка вела мимо базового склада. Сторожевые собаки, не узнав его, гремя цепями, бросились с лаем навстречу.

Подполковник свернул в сторону, вышел к неглубокому овражку, присел на траву, снял фуражку, вытер вспотевший лоб и прислушался.

Ничто не нарушало привычных лесных шумов: лениво перекликаясь, воронье выклевывало недозревшую бузину, мерно шелестела листва.

Подполковник откинулся на спину. Перед ним сквозь густые кроны деревьев голубели клочки неба, исчерченные инверсионным следом самолета. Летный день кончился, в штабе подводили итоги. Он знал, что Комов скоро освободится и придет сюда, к «балочке», как они называли этот глухой лесной овражек, пахнувший прелой листвой бузины, мятой и тонким ароматом донника.

«Что это – мистификация? Глупая шутка начинающего радиста-любителя? Нет! – отвергнув эту мысль, думал Жилин. – Передатчик работал в необычное для любителя время, да и зачем любителю прибегать к закрытому коду! Здесь что-то другое...»

Сдвинув на глаза козырек фуражки и подложив под голову руку, подполковник, лежа на траве, курил и думал. Когда

аккуратно выкопанная им ямка оказалась, точно заседательская пепельница, полна окурков, Жилин услышал быстрые шаги Комова и, поднявшись, сказал:

– В это время дня, Анатолий Сергеевич, у меня в отделе нечем дышать, домик каркасный, крытый шифером, на самом солнцепеке...

Комов понимающе взглянул на подполковника и, улыбаясь, заметил:

– Василий Михайлович, не оправдывайтесь. Раз назначили свидание в «балочке», стало быть, не хотели, чтобы меня видели около особого отдела. Что случилось?

– По чести сказать, верно, не хотел, – сознался Жилин. – Быть может, это мелочь, хотя... В нашем деле мелочей не бывает. Считаю своим долгом, Анатолий Сергеевич, поставить вас в известность: этой ночью дежурным радистом метеостанции была перехвачена телеграмма, переданная закрытым кодом на частоте около десяти тысяч трехсот килогерц.

– Как-то я увидел под микроскопом каплю речной воды. В этой капле были сотни тысяч живых организмов. Мне представляется, что эфир насыщен так же, как капля воды. Почему вас заинтересовала именно эта, случайная телеграмма? – спросил Комов.

– По замедленному темпу сигналов можно предположить, что передача велась вручную, а сильный фон передававшей станции свидетельствует о том, что передатчик где-то здесь, поблизости от нас. Вот и подумайте – станция ведет передачу

глубокой ночью, позывные и ключ кода нам не известны, на учете ДОСААФ в этом районе радиолюбителей нет.

Они опустились на траву. Комов взял предложенную ему папиросу, закурил и выжидающе посмотрел на подполковника.

– Конечно, вы, Анатолий Сергеевич, уверены в том, что криптограмма все-таки дешифрована, и я ознакомлю вас с ее содержанием! – усмехнулся Жилин. – В том-то и беда, что ключ кода неизвестен, это вызывает чувство тревоги, с которым я никак не могу сладить...

– Понимаю. Что вы думаете делать? – спросил Комов.

– В семь часов из командировки вернется капитан Данченко. Думаю направить его с криптограммой в округ, а пока что установим постоянное наблюдение за эфиром, быть может, удастся запеленговать неизвестный передатчик.

Комов внимательно посмотрел на собеседника. По тому как Жилин мял в беспокойных пальцах погасшую папиросу, Комов понял, что подполковник взволнован, напряжен и настойчиво ищет решения этой сложной задачи.

Неожиданно план изменился – подполковника Жилина вызвали в округ на оперативное совещание.

Во втором часу ночи сто шестьдесят километров, отделяющие гарнизонный городок от областного центра, остались позади. Притормозив машину у шлагбаума, подполковник пропустил скорый поезд Москва-Ленинград, въехал в город и, минуя центральную улицу, свернул на Красноармейскую.

У подъезда окружного Дома офицеров среди многочисленных «побед», «эмок» и «москвичей» он с трудом нашел место для своего «газика», выключил зажигание и, размяв затекшие руки и ноги, поднялся по лестнице в общежитие. Не спалось, но усталость взяла свое – под утро он задремал.

До совещания Жилин успел побывать в отделе и отдать криптограмму для дешифровки.

На совещании первый доклад был посвящен оперативному розыску некоего Ползунова Григория Николаевича. Можно было предположить, что Ползунов переброшен через границу для получения разведывательных данных о советской военной авиации. Об этом свидетельствовали точно установленные факты.

Темной сентябрьской ночью два нарушителя перешли государственную границу Советского Союза. Пытаясь скрыться в пойменных зарослях камыша, они были обнаружены пограничниками и оказали ожесточенное сопротивление. Один из нарушителей, впоследствии оказавшийся Зарубиным Владимиром Иннокентьевичем, был тяжело ранен, другому удалось скрыться.

Придя в сознание, Зарубин дал показания:

«...Вместе со мной перешел границу агентурный номер семьдесят три... Накануне переброски, в маленьком баварском городке, в припадке пьяной откровенности, семьдесят третий сообщил мне свое настоящее имя... Ползунов Григорий Николаевич, инженер, специалист по авиационным мо-

торам...»

Этим показания нарушителя исчерпывались. Зарубин вновь впал в беспамятство и, не приходя в сознание, скончался.

Показания Зарубина были скупы, но все же удалось установить, что Ползунов Григорий Николаевич, 1914 года рождения, уроженец села Казина Днепропетровской области, неженатый, инженер Н-ского авиационного завода, по одним сведениям, погиб при исполнении служебного долга в октябре 1942 года, а по другим, более поздним, оказался в числе так называемых «перемещенных лиц» в Западной Германии.

В июне сорок второго года инженер Ползунов в числе небольшой группы специалистов был командирован за границу для приемки авиационной техники, полученной по ленд-лизу. Возвращался Ползунов большим морским караваном, идущим под охраной английских военных судов. Южнее острова Медвежий в Баренцевом море караван застал шторм. Пользуясь благоприятной обстановкой, противник атаковал караван судов и торпедировал транспорт «Блэкпул», на котором находился Ползунов. Корабль затонул, а Ползунова и инженера-электрика Костырева подобрала немецкая подводная лодка.

Впоследствии Костырев рассказал, что гитлеровцы всеми силами пытались склонить их обоих к измене Родине. Высадив с подводной лодки у Варнемюнде, их перевезли в Росток, здесь специально прибывший представитель абвера штурм-

банфюрер Гэцке вел их допрос. Гэцке пытался сломить их упорство, не стесняясь в средствах, применяя пытки и издевательства. Затем их перевезли в Нейстрелиц, и Костырев больше никогда не встречался с Ползуновым. В сорок пятом году Костырев вернулся на Родину.

Ни в концентрационных лагерях, ни в списках «перемещенных лиц» фамилия Ползунова не значилась. Были все основания считать, что он погиб в одном из гитлеровских лагерей смерти, и вдруг... Ползунов появился вновь, но не как желанный сын Родины, истосковавшийся по родной стороне, а как враг, ночью, тайно, с оружием в руках.

В отделе кадров завода, где до сорок второго года работал инженер, никаких фотографий Ползунова не сохранилось.

Описание внешности Ползунова, сделанное инженером Костыревым, носило общий характер: «... роста среднего, волосы темные, густые». Со времени последней встречи Костырева и Ползунова в Нейстрелице прошло четырнадцать лет; разумеется, внешность Ползунова изменилась, и эти скудные сведения ничем не могли помочь в оперативном розыске.

II. Майор Комов

Среди ночи Комов проснулся от тупой ноющей боли за ухом. Точно в четыре надрывно затрещал будильник. Превозмогая боль, Комов встал, налил из термоса горячей воды, побрился, оделся, решительно шагнул к двери, но приступ новой нестерпимой боли заставил его вернуться и лечь в постель.

Врач, подполковник медицинской службы Вартанян, сделав запись в амбулаторном журнале, постучал мундштуком папиросы о коробку, закурил и, не глядя на Комова, с напускной, плохо дающейся ему строгостью, сказал:

– Тепло. Еще раз тепло! Увижу вас, товарищ майор, на старте – отправлю в лазарет! Ночи прохладные, ветер. Денька три посидите дома, грейте ухо и читайте юмористические рассказы.

Легко сказать: «Сиди дома и читай юмористические рассказы!» Приехала инспекторская комиссия. Ночью предстояли полеты в сложных метеорологических условиях. Полк жил напряженной жизнью, а Комов, замполит полка, должен сидеть дома с грелкой!

Весь день Комов никуда не выходил. Проведать его приходило так много людей, что, устав от посетителей, он заперся, лег в постель, накрыл больное ухо шерстяным шарфом и не заметил, как уснул.

Комов проснулся, когда в прямоугольнике окна уже потемнело небо и на горизонте вспыхнули первые звезды. Услышав, как, заурчав, отошел на аэродром автобус, Комов оделся и направился в штаб.

В штабе было тихо и безлюдно. В нише у полкового знамени стоял часовой. Ответив на приветствие дежурного, Комов прошел к себе в кабинет, небольшую, скромно обставленную комнату, включил свет и позвонил на старт. В ответ на вопрос замполита о погоде дежурный офицер сказал:

– Дымка, товарищ майор. Да вот руководитель полетов разговаривает с разведчиком погоды, послушайте сами! – дежурный поднес трубку телефона к приоткрытой двери, и Комов услышал гортанно звучащий в динамике голос разведчика и приглушенный микрофоном басок подполковника Ожогина:

– «Кама» двадцать три! Как слышите?

– Слышу хорошо! Видимость один – два километра. Сильная дымка... – Комов узнал голос командира второй эскадрильи майора Толчина.

– Ваша высота? – спросил руководитель полетов.

– Девять тысяч.

– Понял вас. Идите выше!

– Понял. Иду выше!...

– Слышали, товарищ майор? – спросил дежурный.

– Ясно, – ответил Комов и положил трубку.

Метеорологические условия полета были не из легких.

Летчикам, что называется, повезло. Полет в плотной дымке требовал большого напряжения сил и высокого класса пилотажа.

Комов вспомнил свои ощущения: летишь в дымке – видимости никакой! Где горизонт – черт его знает! Кажется тебе, что скользишь на крыло, выровнял самолет – и вовсе будто летишь вверх ногами. Одна надежда на приборы. Словом, лучше сплошная облачность, чем этот чисто-синий обманчивый омут неба.

Комов взял плановую таблицу полетов полка и по «Курсу боевой подготовки» занялся изучением характера предстоящих полетов. Прошло много времени. Услышав где-то высоко над головой звенящий шелест самолета, он не выдержал и поднялся на третий этаж в парткабинет. Отсюда весь аэродром был виден как на ладони.

Перед ним открылась знакомая картина: взлетно-посадочная полоса в строгих огоньках ограждений, посадочное «Т» у старта, красный сигнал над стартово-командным пунктом, впереди угадывалась тренога оптического прибора, позади – передвижные радиостанции, словно большие черные жуки с усами-антеннами, и куполообразные силуэты прожекторов. Вот вспыхнул зеленый сигнал прожекторной группы. Комов увидел на горизонте, пока еще едва заметные, бортовые огни самолета. Слепящий свет прожектора лег серебристыми клиньями на посадочную полосу.

Взглянув на часы, по плановой таблице полетов Комов

безошибочно определил: «Старший лейтенант Астахов!» – и невольно посмотрел вниз, направо от шоссе, где в домике, крытом шифером, с флажком над входом, размещалась гарнизонная библиотека.

Библиотека работала до восемнадцати часов, но, несмотря на поздний час, одно окно домика было освещено. Леночка Устинова с нетерпением – Комов это знал – ждала окончания полетов.

Эта девушка всегда вызывала у Комова хорошее, теплое чувство, и, думая о ней, он невольно мысленно возвращался к себе самому, к своей неустроенной, неладно сложившейся жизни. В сорок первом году Комов со второго курса Политехнического института ушел добровольцем в армию и попросился в летную школу. Окончил Борисоглебское училище имени Валерия Чкалова, но боевых вылетов на долю Комова досталось мало: когда он прибыл в полк, наши войска уже форсировали Неман и выходили в предполье Восточной Пруссии. Он был ранен, снова вернулся в свой полк, и на параде Победы он, Комов, четко прошел над Красной площадью, сохраняя свое место в воздушном строю.

Будущее казалось безоблачно-ясным: учеба, совершенствование, освоение новой сложной техники. Но однажды...

Предстояли ночные полеты с наведением на цель в сложных условиях. Накануне Комов простудился. Ложное самолюбие не позволило ему на предполетном осмотре сказать врачу о своем нездоровье, казалось, насморк – несерьезная

причина для того, чтобы отказаться от полетов. В воздухе, на высоте восьми тысяч метров, при крутом выходе из пикирования, Комов на мгновение ослеп и почувствовал острую боль в ухе. Состояние это длилось несколько секунд. Увидев уходящую цель, он использовал дополнительную мощность двигателя, нагнал «противника», прицелился и нажал кнопку управления фотопулемета, затем снизился до двух тысяч метров, запросил разрешение на посадку, точно спланировал и отлично посадил самолет. Это был его последний вылет: не выдержав перенапряжения, лопнула барабанная перепонка левого уха.

Человек – существо земное. Может жить человек и без крыльев. Но если стал человек крылатым, если познал он радость свободного полета, уже нельзя отнять у него крылья. Крылатый человек, лишенный голубых просторов, – точно подбитая птица. Летчик, «списанный» на землю, стремится уйти подальше от авиации, чтобы не бередить незаживающую рану, не множить тоску свою по полету.

Сначала Комов твердо решил демобилизоваться и уйти на «гражданку», но он был не только летчиком – он был коммунистом, он знал, что успех летчика в воздухе готовится на земле. После «комиссии» Анатолий Комов попросился в свою часть, командование дивизии поддержало его, и майор Комов был назначен заместителем командира полка по политической части...

Проследив за взлетом самолета, Комов еще раз позвонил

на старт и спустился вниз, к себе в кабинет. В комнате пахло табаком. Не зажигая свет, он широко распахнул окно.

– Можно к вам, товарищ майор? – услышал Комов и по голосу узнал техника-лейтенанта Родина. В минувшую войну с Михаилом Родиным, тогда еще старшим сержантом, они воевали вместе. Родин был подвижный, общительный человек с загорелым, скуластым лицом и по-юношески чистыми голубыми глазами. Была у него и одна слабость – любил Родин покушать. Летчики да техники – народ на язык острый – звали его так: «Кого бы покушать». Родин на свое прозвище откликался, не обижаясь, и добродушно говорил: «Во-во, кого бы покушать?» – обычно извлекая из кармана комбинезона полукружье завернутой колбасы. Отрезав перочинным ножом солидный кус, он отправлял его в рот и, жмурясь от удовольствия, приговаривал: «Много ли человеку надо – поел, как вол, и сыт до обеда!»

Родин вошел в кабинет, поздоровался, справился о здоровье Комова, получив разрешение, закурил и неожиданно сказал:

– Вы, товарищ майор, бывали за границей, людей повидали всяких...

– Ну? – выжидательно произнес Комов, понимая, что лейтенант, как всегда, при подходе к цели делает «большой разворот».

– Вот, скажем, иностранец – он курево по-нашему нипочем курить не станет, – продолжал Родин. – Иностранец пач-

ку возьмет, щелкнет по доньшку, губами сигарету вытащит – он это с большим форсом сделает – и закурит так, как ни один русский человек никогда не закурит.

– Подмечено верно, но пока не пойму к чему это...

– Я вам, товарищ майор, все расскажу по порядку. Сегодня – это было в полдень – сдал я самолет капитану Панину, он вырулил на старт и взлетел. Солнце печет, штиль, рулежная полоса нагрелась, аж через сапог жжет. «Ну, – думаю, – у меня впереди минут тридцать времени, пойду в холодильник». Я повернулся и пошел к сараю, там тень, лег на траву, лежу. Вдруг слышу кто-то идет, подошел, присел на корточки, огляделся, – меня в траве не видать ему, – достал пачку сигарет и вот таким манером, точно так, как я вам рассказывал, закурил... – Родин замолчал и выжидательно посмотрел на майора.

– Кто же это был? – спросил Комов и посмотрел в окно.

Большой темношерстный пес Чингис, лежащий у штакетника, насторожился и злобно зарычал.

– Чингис, спокойно! – крикнул Комов.

Приветливо вильнув хвостом, пес покружился на месте, устраиваясь поудобнее, и улегся под окном.

– Так кто же это был? – еще раз спросил Комов.

– Наш техник-лейтенант, парень ясный, как стеклышко! Что бы это, товарищ майор, значило?

– Бывает, простой парень по имени Иван и по батьке Иванович, а ничего русского не признает и всякой иностранщи-

не в пояс кланяется.

– Своего царя в голове нет – подзанил чужого, – согласился Родин, но все-таки спросил. – Стало быть, это факт мелкий?

– Думаю, да. Кто же это?

– Вот присмотрюсь к этому парню лучше, тогда скажу, а то еще засмеете, скажете – блохоискательством занимается лейтенант Родин, – и, помолчав, добавил. – А все-таки, товарищ майор, печенкой чувствую, здесь что-то не так. Я этого парня не первый день знаю. На людях он человек как человек, а тут видит, что за ним никто не наблюдает, и прорвался. Разрешите идти? – спросил он и, пожимая Комову руку, сказал. – Не болейте, Анатолий Сергеевич!

Проводив лейтенанта до дверей кабинета, Комов закрыл за ним дверь и подумал о том, что надо о подозрении Роди-на поговорить с подполковником Жилиным, как только он вернется из округа.

В тот вечер Комов долго сидел у открытого окна. В библиотеке горел свет. Леночка часто выходила на крыльцо и, вглядываясь в потемневшее небо, прислушивалась к реву идущих на посадку и взлетающих самолетов. Комов видел мягкий профиль ее лица, большую копну рыжих волос, схваченных узкой лентой, вспомнил ее зеленоватые глаза, кипенно-белую кожу лица, такую, какая почему-то бывает только у рыжих женщин.

Медленно, не торопясь, на дорожке, ведущей к штабу, по-

явился Чингис. Он сел, повернул морду в одну, в другую сторону, прислушался и замер в ожидании. Со старта шел автобус. Когда автобус остановился против калитки и летчики, разгрузив парашюты, понесли их в штаб, Комов услышал:

– Леша, захвати мой зонтик! – сказал старший лейтенант Астахов и, поставив на скамейку ногу, стал суконкой протирать запыленные сапоги.

– Привык ты, Генка, к наемной рабочей силе, – беззлобно бросил старший лейтенант Бушуев. Ввалив на спину парашюты, он ушел в штаб.

Свет в библиотеке погас. В наступившей тишине было слышно, как хлопнула дверь и звонко щелкнул ключ в замке.

Летчики вышли из штаба и шумной стайкой, сопровождаемые Чингисом, направились к гарнизонному городку.

Представив себе идущего к библиотеке Геннадия, где, как всегда, ждет его Леночка, Бушуев невольно оглянулся и увидел, что Астахов свернул в сторону шоссе, ведущего к городу. Удивленный, Бушуев остановился, подумал и решительно повернул назад. Все замедляя шаг, неслышно ступая по траве, он подошел к крыльцу библиотеки.

Леночка, закрыв глаза и прижав к груди маленький ученический портфель, стояла, прислонясь головой к двери; по ее щеке медленно, оставляя мокрый след, катилась слеза.

Бушуев бросился вдогонку за Астаховым и почти настиг его, но вдруг увидел, что Геннадий уверенно направился к машине, стоящей в стороне от дороги, и нажал на сигнал.

– Генка! Сумасшедший! Мне снился сон... – услышал Бушуев капризный женский голос, заглушенный урчанием стартера. Хлопнула дверка автомобиля, и, обдав Бушуева пылью и бензиновым перегаром, «Москвич» свернул на дорогу, мигнул красным огоньком и скрылся в темноте.

Бушуев узнал машину городского архитектора. «Москвичом» завладела его дочь, взбалмошная девица, злоупотреблявшая косметикой.

Бушуев постоял в раздумье, решительно повернулся и пошел обратно к библиотеке. Когда он подошел к крыльцу, Лены уже не было.

III. День обычный

В сиреновом мареве рассвета начался летный день, и только спустя некоторое время из-за темной гребенки леса стало подниматься сверкающее, слепящее солнце. Проснулся ветер, пока еще несмело он повернул флюгер над стартовым командным пунктом (СКП), неторопливо, словно пробуя свои силы, поднял тяжелые складки авиационного флага и перебрал в поле красноватые метелки черныбыльника.

На большой скорости, оставляя за собой белый инверсионный след, пролетел разведчик погоды. Словно бусы уральского камня, самолет нанизал круглые облачка на толстую крученую нить.

Через поле, по еще росистой траве, Комов шел к стартовому командному пункту. Окрашенный в большую черно-белую шашку СКП был похож на два детских кубика, поставленных уступом один на другой.

Полетами руководил подполковник Ожогин. Открыв расположенные под углом обе рамы окна, с микрофоном в руке, он наблюдал за стартом и воздухом.

Ответственное и сложное дело – руководить полетами. В воздухе иной раз десятки самолетов, и каждый из них выполняет свое задание. Руководитель полетов должен быть отличным знатоком летного и штурманского дела, требовательным педагогом, быстрым и смелым в решении самых неожиданных задач.

данных и острых задач.

Майор Комов сел на лавочку подле СКП. Ему не было известно, кто из летчиков подрулил к старту, но по уверенной и энергичной манере выруливания он узнал старшего лейтенанта Астахова. Самолет взлетел и, набирая высоту, скрылся из поля зрения.

Учебно-тренировочные полеты шли своим чередом. Необозримая, в сотни квадратных километров, площадь неба, строго расчерченная на зоны, была заполнена самолетами. Небо было школой, и в каждой зоне, как в школьном классе, летчик выполнял свое учебно-тренировочное задание.

Стреляя по наземной цели, ходили по кругу на равной дистанции три самолета; они поочередно пикировали над полигоном и, дав короткий залп из пушек, вновь набирали высоту и уходили на круг.

– Двадцать пятый, при выходе на цель у вас большой угол пикирования! – поправил руководитель полетов подполковник Ожогин.

– Понял вас! – ответил летчик.

– Двадцать семь! Для связи!

– Слышу вас! – двадцать седьмой был индекс Астахова.

– Где находитесь?

– Западнее точки тридцать километров, высота четыре тысячи, разворачиваюсь на дальний привод.

– Пройдете над точкой, высота семьсот.

– Понял вас.

Вскоре пара Астахова быстро прошла над точкой. Ведомый Зернов строго сохранял свое место в строю.

Из застекленной, похожей на маленькую оранжерею, кабины руководителя полетов донесся голос лейтенанта Николаева. Несмотря на искажение динамика, Комов узнал его по характерному произношению.

– Двадцать первый, я – тридцать пятый! Отказало бустерное управление! – двадцать первый был индекс командира звена Бушуева.

– Выключите бустер! Идите на точку! Девятнадцатый, сопровождаете тридцать пятого! – принял решение старший лейтенант Бушуев и сообщил руководителю полетов. – «Кама»! Тридцать пятый пошел на точку!

– Понял вас, – ответил Ожогин.

Поднявшись на командный пункт (случай с тридцать пятым взволновал его), Комов спросил:

– Что случилось?

– Пока не знаю, разберемся! – бросил через плечо Ожогин, наблюдая за зоной.

Командир эскадрильи майор Толчин уже был здесь. Он все слышал.

– Я думаю, что техник не залил полностью гидросмесь в бустерную систему и не опробовал бустер на земле, – высказал свое предположение комэска.

– Я тридцать пятый. Прошу разрешения на вход в круг, –

запросил Николаев.

– Вход в круг разрешаю. Высота семьсот, – сообщил Ожогин.

– Понял вас.

– Стало быть, техник на земле не опробовал бустер? – удивился Комов.

– Машина пятьсот девяносто семь, лейтенант Евсюков, – сказал Толчин, наблюдая за северо-западом, откуда должен был появиться самолет Николаева.

– Пойдемте, товарищ майор, навстречу тридцать пятому, – предложил Комов, и они оба вышли из СКП.

Возле тягачей и сложенных на траве «водил» и заглушек техники и механики ожидали свои самолеты. Звено Бушуева шло по дальнему маршруту, его здесь не ждали, и техник-лейтенант Евсюков прохладился в военторговском буфете. Повесив фуражку на крючок грузовика, чтобы неотралимый блеск его расчесанных на прямой пробор волос способствовал успеху, Евсюков пил лимонад из бумажного стаканчика и флиртовал с буфетчицей. Когда механик разыскал Евсюкова и предупредил его, что Николаев идет на посадку, техник послал воздушный поцелуй буфетчице, осторожно, чтобы не помять прически, надел фуражку и не спеша направился в конец полосы.

– К нам жалует краса и гордость полка, потомственный почетный «инвалид» – Марк Савельевич! – сказал техник-лейтенант Цеховой, заметив направляющегося к ним

Евсюкова.

Зная острого на язык Цехового, техник-лейтенант Левыкин, подмигнув товарищам, заметил:

– Какой же Евсюков инвалид?!

– Никакого, можно сказать, сочувствия! У человека при себе только одна рука, а вторая-то в округе! – это была старая, но испытанная шутка. Поощренный взрывом смеха, Цеховой добавил. – Он и у инженера полка вокруг голенища ходит!

– Почему вокруг голенища? – на этот раз действительно не понимая, спросил Левыкин.

– Потому, что кривая вокруг голенища короче всякой прямой к сердцу начальника!

Вихляющей походкой Евсюков подошел к группе техников, но, увидев вывернувший из-за тягача «газик» замполита и сидящего за рулем командира эскадрильи, он подтянулся и картинно приложил руку к козырьку.

– Техник-лейтенант Евсюков, у самолета опять ерундит бустер! – едва сдерживая себя, сказал майор Толчин.

– После регламентных работ я проверял...

– Проверяли! Посмотрим, как вы проверяли! – многозначительно сказал командир эскадрильи и вместе с майором Комовым отошел в сторону: Николаев шел на посадку.

Когда летчик вылез из самолета, снял шлемофон, подошел к майору Толчину и доложил о неисправности самолета, командир эскадрильи распорядился:

– Осмотрите в присутствии инженера эскадрильи и техника-лейтенанта Евсюкова самолет, после чего явитесь с экипажем на СКП.

Самолет Николаева взяли на «водило», и тягач потащил его на стоянку.

Комов вспомнил, что у техника-лейтенанта Сердечко мальчик заболел корью, а техник с четырех утра на аэродроме и, разумеется, беспокоится за судьбу ребенка. Позвонив с СКП на квартиру комэска, Комов попросил его жену сходить к Сердечко узнать о состоянии здоровья ребенка. Он долго ждал у телефона, пока Толчина вернулась, но не напрасно – было чем порадовать отца.

Техник-лейтенант Сердечко встречал самолет Астахова. Комов застал его в тени тягача. Сердечко лежал на траве и, зажав в кулаке папиросу, жадно, короткими затяжками, курил. Это был большой, грузный человек лет тридцати. В комбинезоне он казался неуклюжим.

Увидев замполита, Сердечко вскочил для приветствия, но Комов усадил его на траву и сел рядом.

– Славке лучше, температура тридцать семь и два. Часа через два ему введут вакцину. Не беспокойтесь, Остап Игнатьевич, все будет хорошо, – сказал Комов.

Сердечко встал, полез в кузов тягача и, хотя рядом был механик, сам стал снимать заглушки и «водило». Он работал спиной к Комову, боясь обнаружить перед ним свое волнение, и только тогда, когда замполит пошел через рулежную

дорожку к старту, Сердечко, прыгнув с тягача, нагнал его и, глядя в сторону, сказал:

– Спасибо, товарищ майор...

– Не за что, – ответил Комов и, указав на горизонт, добавил. – Астахов и Зернов идут на посадку.

Техник-лейтенант побежал навстречу самолету. Растопырив руки, пятясь назад, он указывал направление рулежки. Следом за Астаховым шел и его ведомый. Самолет со все угасающей скоростью катился по полосе, издавая металлический грохот и свист.

Комов хотел было дождаться Астахова, но, почувствовав знакомую боль, вынул носовой платок, прикрыл им ухо и пошел к старту.

Солнце стояло высоко, но ветер был прохладный, северо-восточный.

Дежурный офицер доложил Комову, что майор Юдин ждет его звонка в парткабинете.

Секретарь партбюро просил Комова, если возможно, приехать в парткабинет Зернова: приехал его отец и хочет повидать сына.

Зернову был запланирован один вылет на отработку групповой слетанности в составе пары. Задание было выполнено.

Полковник Скопин, вернувшийся из штаба дивизии, здесь же, на старте, разрешил не только вопрос лейтенанта Зернова. Самолет пятьсот девяносто семь был поставлен на профилактику, а техник самолета Евсюков за небрежность,

проявленную им на предполетном осмотре, получил трое суток ареста.

Когда летный день кончился, Комов задержался на аэродроме, чтобы потолковать с техником Левыкиным.

Несколько дней тому назад Левыкин внес рационализаторское предложение, удивившее всех своей технической зрелостью и оригинальностью конструктивного решения. Техник сконструировал аппарат, дающий возможность в течение нескольких минут произвести контроль и опробование всех аэронавигационных приборов на самолете.

Павел Левыкин, кончив школу авиационных механиков, был направлен в одну из авиационных частей на севере нашей страны. Прослужив несколько лет, он заболел и по заключению медицинской комиссии был переведен на юго-запад в «хозяйство» полковника Скопина. За недолгий срок пребывания в части Левыкин показал себя с хорошей стороны, а последнее рационализаторское предложение выдвинуло его в ряды лучших, наиболее пытливых техников полка.

Левыкин был среднего роста, он рано начал лысеть. Его редкие, цвета спелой ржи, волосы обнажали высокий лоб; из-под чуть приподнятых к вискам бровей смотрели несколько удлинненные озорные глаза. Веселая, светлая улыбка подкупала и привлекала к Левыкину людей.

Майор подождал, пока Левыкин зачехлил и запломбировал самолет, передав его дежурному по стоянке, затем вместе с техником пешком направился к штабу. Левыкин жил

на частной квартире в деревне Нижние Липки; до развилки дорог им было по пути.

Техник попросил разрешения закурить и предложил Комову папиросу. Они шли молча через поле, не поднимая ног, чтобы сбить травой приставшую к сапогам пыль. За лесом притаился и затих ветер; небо, перечеркнутое крест-накрест инверсионным следом самолета, было похоже на где-то виденное Комовым голубое с белым крестом знамя.

– Вы не насчет КАНАПа, товарищ майор?

– Насчет чего? – переспросил Комов.

– Насчет КАНАПа – контролера аэронавигационных приборов, – пояснил Левыкин.

– Да, я хотел поговорить с вами об этом приборе. Я думаю, что вам, товарищ техник-лейтенант, следует проявить инициативу и собрать еще два таких же прибора для первой и третьей эскадрилий.

– Я думал об этом, товарищ майор, но трудность заключается в том, что монтировать схему приходится из всякого утиля, нет деталей...

– Ну что же, – прощаясь с Левыкиным у развилки дорог, сказал Комов, – поговорим с инженером полка. Думаю, что необходимые детали мы получим.

Левыкин свернул влево и достал из комбинезона концертину. Комов услышал знакомую мелодию спортивного марша. Техник быстро шел к темнеющему впереди лесу, сдвинув на затылок фуражку, и, улыбаясь, перебирал лады...

IV. Падают цветы сурепки

С Астаховым Нонна Шутова познакомилась в прошлом году в Первомайские праздники, когда приехала в полковой клуб с концертом городской самодеятельности. Тогда Нонна была еще Анастасией (дома ее звали Настей). Она носила девичьи косы, уложенные «короной» на голове, и мечтала о романтической профессии геолога. Потерпев поражение при штурме твердынь науки, Шутова вернулась домой стриженной, с прической «фестиваль», и необычайно «новыми» идеями, вроде того, что «жизнь коротка, ею надо насладиться...» Превращение Насти в Нонну, так энергично начатое под мудрым руководством маминой сестры Лукреции (Луши), живущей в областном городе, быстро завершилось дома на глазах у родителя, пришедшего в молчаливое изумление при виде этой метаморфозы.

Когда Аркадий Аркадьевич Шутов, отец Насти, уехал в Москву на совещание, Нонна осталась наедине с идеями, преподанными ей теткой Лукрецией. Геннадий Астахов стал частым гостем Шутовой, а «москвич» городского архитектора служил надежным способом сообщения между районным центром и гарнизонным городком...

Утром командир второго звена старший лейтенант Астахов явился точно к отходу автобуса на аэродром. В ответ на вопрос врача о самочувствии Астахов ответил:

– Отлично! – хотя во рту было сухо и голова казалась непривычно тяжелой. «Проклятый вермут!» – подумал Астахов и в ожидании результатов разведки погоды прилег на еще холодную, влажную траву.

Приятным, чистым тенорком запел вполголоса лейтенант Кузьмин:

– Во суббо-оту, день нена-астный...

Была действительно суббота, но день не обещал ненастья. Чуть розовеющие на востоке белые перистые облака на западе еще хранили темные предрассветные краски.

Астаховым начала овладевать дремота, когда рядом с ним на траву шумно плюхнулся командир первого звена старший лейтенант Бушуев.

– Здорово, Гена! – поздоровался Бушуев и, сорвав веточку полыни, растер ее между пальцев.

До Астахова донесся горьковатый запах травы. Он зевнул, потянулся до хруста и лениво ответил:

– Здорово, тюлень! По таблице я вылетаю третьим, не люблю это число...

Бушуев, приподнявшись на локтях, сдернул с головы Астахова белый подшлемник и, внимательно присматриваясь к нему, сказал:

– Насчет всяких примет я не мастер, но вот то, что старший лейтенант Астахов явился на выполнение сложного пилотажа не в форме, – это для меня ясно! Ты где пропадаешь вторую ночь?

– Будь другом, Леша, не приставай, – примирительно сказал Астахов.

– Вот как друг я тебя и спрашиваю. Вчера был день не летный, и я молчал, но сегодня... Где ты был эту ночь?

– Это мое личное дело! – резко бросил Астахов и, подложив под голову шлемофон, закрыл глаза.

– Готовность летчика к полету – не его личное дело, это дело наше, общее! Мы не позволим тебе...

– Леша, закрой сопло! – грубо перебил его Астахов.

– Становись! – услышали они команду и побежали к самолетам, но каждый из них знал, что на этом разговор не кончился.

Одним из первых на «спарке» летел Бушуев. Когда запустили двигатель и самолет, взревев, вырулил на рулежную дорожку, там, где он только что стоял, вздыбилось огромное, точно разрыв фугаса, кучеобразное облако пыли. Самолет остановился у старта, дрожа от нетерпения, присев, словно для прыжка в неизвестность. Но вот разрешение на взлет получено. Летчик увеличивает обороты двигателя. Сначала медленно, затем все быстрее и быстрее самолет бежит по металлической полосе и, мягко оторвавшись, взмывает в воздух, а на земле еще долго клубится пыль. Проходит несколько секунд, и самолет уже кажется маленькой точкой, а пыль еще долго колеблется и медленно оседает, словно гряда рыжих водорослей, потревоженных набежавшей морской волной.

Как ни странно, но стычка с Бушуевым вывела Астахова из состояния ленивой дремоты; он чувствовал себя бодрее, и только во рту еще было противное ощущение похмелья. Астахов прошел в буфет, попросил напиться, затем, присев на пороге фургона и прихлебывая маленькими глотками кислый, пахнувший ржаным хлебом квас, наблюдал за тем, как Бушуев выполнял фигуры сложного пилотажа. Астахов иронически улыбался той точности школяра, с которой Бушуев совершал эволюции.

«Ни капли выдумки, ни крошки творческого вдохновения! Скорости по инструкции – ни больше ни меньше! От сих и до сих!» – подумал Астахов и, выплеснув остатки кваса, передал кружку стоящей в дверях фургона буфетчице.

«Спарка», пилотируемая Бушуевым, шла на посадку. Астахов видел, как самолет отбуксировали на заправку, а летчик и заместитель командира эскадрильи, подъехав на тягаче до старта, прямо через поле направились к автобусу. Навстречу им шел майор Комов. Астахов издали узнал замполита по манере придерживать платок возле больного уха. Оживленно жестикулируя, они остановились среди поля. Так «разговаривают» руками только южане и летчики. То изображая рукой лодочку, то вытягивая кисть руки, словно готовясь к прыжку в воду, то переворачивая ее ладонью вверх, они как бы повторяли все фигуры сложного пилотажа, выполненные «спаркой». Затем Бушуев указал в его сторону. Астахов понял, что речь сейчас идет о нем. И действительно,

майор Комов отделился от группы и быстрым шагом направился к нему.

Внутренне напряженный и злой, не ожидая ничего доброго от этой встречи, Астахов ждал приближения замполита. «Мальчишка! Наябедничал, как первоклассник!» – думал он о Бушуеве, сжимая в ярости кулаки.

– Старший лейтенант Астахов! – непривычно сухо сказал майор Комов. В его глазах летчик не увидел обычной дружеской теплоты. – Как вы себя чувствуете?

– Отлично! Готов к полету! – сдерживая себя, ответил Астахов и добавил. – Разрешите спросить, товарищ майор?

– Спрашивайте.

– Никогда раньше вы не интересовались моим здоровьем...

– А сейчас у меня есть для этого основание, – перебил Комов и, испытующе взглянув на Астахова, быстрым шагом направился к стартовому командному пункту.

Техник-лейтенант Остап Сердечко был одним из лучших техников в эскадрилье майора Толчина. Сердечко любил Астахова покровительственной, отцовской любовью и, гордясь им, говорил:

– О це летчик! Орел от рождения!

«Спарку» готовил к полету Цеховой, а Сердечко был прикреплен к боевому самолету Астахова. Но на старт техник-лейтенант явился, как бы утверждая этим, что Астахов и он, Сердечко, живут одними, общими интересами.

Увидев Сердечко, махнувшего ему рукой, летчик бегом бросился к самолету.

Помогая Астахову закрепить ларингофон, Сердечко, подмигнув ему, сказал:

– С вами, товарищ старший лейтенант, за инструктора летит комэска, не подкачайте!

И действительно, надевая на ходу шлемофон, к самолету шел майор Толчин.

Сделав несколько шагов навстречу командиру эскадрильи, летчик доложил:

– Товарищ майор, старший лейтенант Астахов готов к полету!

– Выполняйте задание! – приказал Толчин и направился к лесенке самолета.

Астахов поднялся в первую кабину и закрепил на себе парашютные лямки и ремни сидения. Деловито урча, к хвосту самолета подъехал «пускач». Руководитель полетов разрешил запуск.

– Снять заглушки!

– Заглушки сняты! – стоя на лесенке подле кабины, доложил Цеховой. Он как бы служил живой связью между летчиком и землей.

– Запуск!

Сначала раздался мягкий шелест, хорошо слышимый в тишине. Затем, крикнув «Есть пламя!», механик отбежал от сопла самолета, и в то же мгновение шелест перешел в звеня-

щий, все нарастающий гул. Отключив кабель, «пускач» торопливо развернулся и ушел на почтительное расстояние в поле. Астахов опробовал двигатель – сильная струя горячего воздуха хлестнула по земле, и за хвостом самолета вздыбилось облако пыли.

Проверяя связь, комэска спросил:

– Как слышите?

– Слышу хорошо!

Цеховой помог закрыть фонарь и, соскочив с крыла, убрал лесенку.

– Закрылись?

– Готов! – доложил Астахов.

– Герметизирую! – предупредил командир эскадрильи.

Астахов включил передатчик.

– Разрешите вырулить?

– Разрешаю, – услышал он знакомый голос командира полка. Полковник Скопин сам руководил полетом.

«Сегодня я пользуюсь особым вниманием начальства», – подумал Астахов и, прибавив обороты, стал выруливать к старту.

– Разрешите взлет?

– Будете работать в первой зоне. Взлет разрешаю, – ответил полковник.

Увеличив обороты, Астахов отпустил тормоза. Самолет рванулся вперед, с грохотом помчался по металлическим плитам взлетно-посадочной полосы и оторвался от земли.

Набрав скорость, Астахов потянул ручку на себя. Стрелка барометрического высотомера дрогнула и поползла вправо. Самолет набирал высоту. Дышалось хорошо, легко. От прежнего состояния не осталось и следа. Слитность с этой умной и сильной машиной наполняла его радостным чувством, хотелось петь так же бездумно, как поет птица, парящая в высоте.

Заканчивая второй комплекс сложного пилотажа, Астахов получил приказание командира эскадрильи:

– Выполняйте пикирование и боевые развороты!

– Понял вас, – ответил он и посмотрел на приборы. Стрелка высотомера показывала четыре тысячи. Астахов с разворота ввел самолет в крутое пикирование. Секунда... две... три... четыре... Со все возрастающей быстротой мчится на самолет земля. Прибор показывает предельную скорость. Астахов резко берет на себя ручку, мгновенно испытывая огромную центробежную силу. Эта сила, стремясь расплющить его, вдавливая голову в плечи, вызывая невольный стон, сжимает спинной хребет... Серая пелена застилает глаза... Словно в мареве, он видит, как вспыхивает красный сигнал максимальной перегрузки. Давление, в восемь раз превышающее его собственный вес, точно спрут опутывает своими щупальцами, сдавливает его, отсасывает кровь и стремительным потоком гонит ее вниз... ноги деревенеют...

Отпустив ручку, Астахов чувствует, как выравнивается самолет. Красный сигнал гаснет. Все это он чувствует, но не

видит. Перед его глазами с феерической быстротой мелькают радужные круги. Кровь стремительно приливает к голове. В ушах гудит, словно бьют набатные колокола. Постепенно зрение возвращается к нему. С каждой секундой все ярче и ярче он видит высокие перистые облака, сверкающие в лучах солнца. Сердце стучит все ровнее и медленнее.

Задирая нос самолета, Астахов набирает потерянную высоту. Нигде, ни в одной эволюции он не чувствовал корректирующих движений командира, ручка легко и плавно повиновалась его воле.

– Резко выводите! – заметил майор Толчин, но Астахов услышал в его голосе одобрение.

Набрав высоту, он вновь ввел самолет в крутое пикирование, вывел из него, взял ручку на себя вправо, дождался ногой, опрокинул машину на крыло и ушел боевым разворотом.

Второе пикирование прошло легче, он чувствовал себя отлично. Точный расчет в сочетании с пьянящим азартом, тем азартом, который дает скорость и мощь самолета, доставляли ему огромную, ни с чем не сравнимую радость.

Выполнив задание, Астахов развернул самолет, лег курсом на приводную радиостанцию и запросил разрешение на вход в круг.

– Вход в круг разрешаю, – услышал он голос полковника Скопина.

Точно, на две точки, посадив самолет, Астахов зарулил, выключил двигатель, расстегнул шлемофон, не спеша снял

ремни и лямки парашюта, откинул фонарь и, подтянувшись на руках, легко выпрыгнул из кабины.

Когда командир эскадрильи спустился по лесенке, Астахов направился к нему:

– Товарищ майор, разрешите получить замечания?

Через голову майора Астахов увидел Остапа Сердечко. Тот, покрыв большой палец левой руки ладонью, еще посыпал его, точно солью. По оценке Сердечко это значило, что пилотировал он отлично – «На большой с присыпкой!».

Командир второй эскадрильи майор Толчин, невысокий, худощавый человек, коротко стриженный, загорелый, с редкими оспинами на лице, очень проигрывал рядом с Астаховым. Старший лейтенант был молод, высок и строен. Его большие серые глаза, прямой нос с тонкими, подвижными ноздрями и крупный чувственный рот создавали ощущение силы и мужества.

Толчин служил в авиации восемнадцать лет. «Теория» о кратковременной жизни летчика на современных реактивных машинах опровергалась всей практикой его жизни. Каждый год, каждый день, каждый новый вылет совершенствовали его спокойное, вдумчивое и в то же время виртуозное мастерство.

Майор Комов подъехал к ним на тягаче и, выпрыгнув из машины, остановился подле командира эскадрильи.

– Пилотировали энергично, – говорил Толчин, – весь комплекс упражнений выполнен слитно. Ваши ошибки: резкий

вывод из пикирования – раз, не выдерживаете положенных скоростей – два и не сохраняете необходимой высоты при выходе из пикирования – три. Отработайте и устраните эти недостатки при самостоятельных полетах. Все. Вы свободны, – закончил майор. Он был немногословен.

– Разрешите идти?

– Идите!

Астахов четко повернулся, легко догнал тягач, принял протянутую ему Сердечко руку и прыгнул в кузов.

Посмотрев вслед тягачу, уводившему «спарку», Комов, направляясь с Толчиным к старту, сказал:

– Меня сегодня волновал пилотаж Астахова, парень не спал ночь...

– Если бы я верил в судьбу, я бы сказал: «Ему на роду написано быть асом». Горяч, самолюбив, но – летчик. Ничего, Анатолий Сергеевич, обломается! – успокоил его Толчин.

– Не обломается, – в раздумье сказал Комов, – сам не обломается, – повторил он и, энергично взмахнув ребром ладони, добавил. – Надо ломать.

Толчин остановился, внимательно посмотрел на замполита и, подумав, сказал:

– Человека легко сломать...

– Когда хороший садовник у молодого деревца обрезает ветки, деревце крепнет, Юрий Гаврилович, – перебил его Комов и зашагал к старту.

Невольно взяв ногу, стараясь идти большим шагом Комо-

ва, командир эскадрильи молча пошел рядом, думая о том, что вот случись с ним такое, что случилось с Комовым, — неизвестно, выжил бы он или сорвался.

Скрываясь от палящего зноя в ожидании своего времени полета по плановой таблице, летчики собирались в автобусе. Здесь, как правило, «банковал» лейтенант Кузьмин, балагур и весельчак: он то рассказывал всякие байки, то пел. У Кузьмина был небольшой голос, но пел он легко и проникновенно.

Когда Астахов поднялся в автобус, его встретило настороженное молчание. Он понял, что здесь говорили о нем. Обведя взглядом присутствующих, он заметил Бушуева и, кивнув ему головой, вышел.

Бушуев выбрался из автобуса и, не торопясь, своей грузной походкой, за что его и звали в полку тюленем, направился к поджидавшему в стороне Астахову.

— Ты сказал майору Комову, что я не ночевал в общежитии?

— Да, я сказал.

— Состоишь фискалом при замполите?! — сквозь зубы презрительно процедил Астахов.

— Нет, но состою в дружбе со старшим лейтенантом Астаховым, — также спокойно ответил Бушуев.

— Это называется дружба?

— Я не ханжа. Моя дружба требовательна и не прощает ошибок. Нас этому учил комсомол...

– Лекция по вопросам морали?! – зло перебил его Астахов.

– А ты думаешь прожить без морали? Человеком не проживешь! Мы твой поступок, Астахов, обсудим на бюро, – не меняя спокойного тона, закончил Бушуев и пошел к старту, где у оптического прибора, следя за выпуском шасси при посадке, дежурил лейтенант Николаев, секретарь комсомольского бюро.

Астахов свернул в сторону, поднял кем-то оброненный тонкий ольховый прут с вырезанными на коре ромбиками и, вкладывая в это всю кипевшую в нем ярость, размахивая прутом, стал рубить желтые цветы сурепки, пробившиеся через отверстия металлических плит взлетно-посадочной полосы.

V. Личное дело

Комова вызвали в политотдел дивизии. Освободился он поздно. По узкой дороге, стиснутой с обеих сторон чернолесьем, подпрыгивая на корневидных, бежал его «газик». Комов торопил водителя: хотелось успеть на заседание комсомольского бюро.

Тем временем заседание близилось к концу. Бушуев видел, что результаты бюро ничтожны: Астахов, точно черепаха, скрылся под панцирь оскорбленного самолюбия, он был слеп от ярости и ровно ничего не понял из того, что говорилось здесь на бюро.

Саша Николаев взял заключительное слово. Николаев был сиротой, воспитанником детского дома, он привык к коллективу, и ему казалось, что нет таких вопросов, которые не мог бы разрешить дружный, спаянный одним общим делом комсомольский коллектив. У Саши было смуглое лицо, светлые глаза и выющиеся льняные волосы. Он говорил с южно-уральской мягкой напевностью:

– Мне дали крылья и сказали: береги их, они очень дорогие, эти крылья, но еще дороже ты сам, потому что тебя вырастили и научили летать. И я берегу себя, но не потому, что я трус или мелкий человек, я берегу себя потому, что не могу, не имею права истратить себя на пустяки. Конечно, я могу любить. Любовь никогда не мешала делу, кото-

рому служишь, любовь дает человеку силы и новыми, крепкими путами привязывает его к жизни. Я спрашиваю тебя, Астахов, как комсомолец комсомольца: что это, настоящая любовь или маленькая радость, за которой приходит похмелье? – Николаев выжидающе помолчал, но, так и не дождавшись ответа, продолжал. – Я учился у тебя, Астахов. Мне не стыдно в этом сознаться. Ты хороший, смелый летчик. Но сейчас вопрос стоит так: хороший летчик – это не только человек, отлично знающий машину и владеющий пилотажем. Хороший летчик – это прежде всего человек высокой морали! Есть еще такие товарищи, которые говорят: «Свою клячу как хочу, так пячу!» Они рассуждают так: «На боевом посту, на учебе – я образец дисциплины, а вне служебного времени – не спрашивай!» Нет, Астахов, мы спрашивали и будем спрашивать! Я предлагаю, товарищи, за обман врача на предполетном осмотре комсомольцу Астахову поставить на вид. Другие предложения будут?

– Я же пилотировал на оценку «хорошо»! – бросил Астахов.

– Если бы ты разбил самолет, разговор состоялся бы в другом месте. Ясно? – заключил Николаев. – Других предложений нет? Голосую: кто за то, чтобы поставить на вид, прошу поднять руки! Принято единогласно, – закончил он, – заседание комсомольского бюро считаю закрытым. Пошли обедать!..

Когда «газик» замполита подъехал к штабу, Комов вы-

шел из машины и направился в адъютантскую, где проходило заседание бюро. Навстречу ему поднялся Астахов; он был один. По выражению его лица Комов понял, что удар пришелся в пустое место и Астахов лишь еще больше замкнулся в себе.

– Разрешите пройти? – спросил Астахов, направляясь к двери.

– Не разрешаю. Садитесь, старший лейтенант, – сказал Комов.

Астахов, криво усмехнувшись, опустился на указанный ему стул.

– Бушуев доложил мне о вашей отлучке, – начал Комов. – Разумеется, у вас не может быть оснований для разрыва старых дружеских отношений. Бушуев выполнил свой долг. Вы, кажется, учились в одной школе?

– Да, мы кончили одну школу.

– Тем более. Я хочу поговорить с вами о девушке, судьба которой нам всем небезразлична. Что произошло между вами и Леной? – спросил Комов.

Астахов не мог ответить. Почему? Да потому, что он сам никогда этот вопрос перед собой не ставил, старался уйти от него, не думать о нем.

– Пошли по линии наименьшего сопротивления? – настаивал Комов и, не получив ответа, добавил. – Николай Устинов был командиром нашего полка и героически погиб в минувшую войну. Мы все, однополчане Устинова, храним доб-

рую память о нем и считаем себя ответственными за судьбу его семьи. Когда стали складываться ваши отношения с Леной Устиновой, нас всех это радовало. Нам казалось, что старший лейтенант Астахов – способный, мужественный человек, и мы можем доверить ему судьбу дочери Николая Устинова. Я сам совершил в жизни ошибку, потому что в решительный момент на пути правды стало мое ложное самолюбие. Теперь я жестоко расплачиваюсь за эту ошибку. Мне не хотелось, чтобы от вашей ошибки пострадали вы оба. Что между вами произошло?

– Это мое... личное... дело... – глухо проронил, не глядя на замполита, Астахов.

– «Мое... личное... дело...» – повторил Комов и в раздумье сказал. – Как можно отделить свои дела от дел коллектива? Где их граница? Нет, Астахов, здесь что-то не так. Подумайте. Глубже загляните в свое сердце, поговорите со своей совестью.

Замполит поднялся и, уже направляясь к двери, спросил:

– Вы, Астахов, обедали?

– Нет.

– Идите обедать, – сказал он, вышел из комнаты и направился к себе домой. Чувство неудовлетворенности не покидало его. Он шел и думал: «Бывает и так. С человеком нужно поговорить запросто, поговорить так, чтобы задеть в нем его самые лучшие, самые сокровенные уголки души. Поднять все то, что, казалось, уже улеглось на дно. Взволновать и за-

ставить многое передумать и переосмыслить вновь. А говоришь какие-то казенные, бледные, ничего не значащие слова. И эта женщина, с которой встречается Астахов. В нашем представлении она легкомысленное, пустое существо, а быть может, все это не так? Быть может, это настоящее, сильное чувство, а мы не понимаем или, вернее, не хотим этого понять?..»

Как бы в ответ на эту мысль, из-за молодого подлеска вынырнул голубой «Москвич» и остановился подле большой одинокой сосны.

Еще сам не зная, зачем он это делает, Комов направился к машине.

Открыв дверцу и облокотившись на руль, Шутова курила длинную тонкую папиросу. Ее большие светло-карие глаза из-под тяжелых, обремененных тушью ресниц с интересом остановились на Комове. Нонна успела заметить, что у майора серые глаза, хорошая линия носа и рот с жесткими складками по углам. На вид она дала ему лет тридцать и, быстро подбив итог своих наблюдений, бросила на дорогу папиросу, сложила пальчики рук, сверкая искусственными бриллиантами колец, надетых поверх черных капроновых перчаток, и выжидательно улыбнулась.

Преодолевая неловкость возникшего молчания, Комов сказал:

– Я заместитель командира части, где служит старший лейтенант Астахов.

Не снимая с лица улыбки, Нонна заметила:

– Очень интересно!

– Только большая тревога за человека могла меня заставить разговаривать с вами! – сказал Комов.

Улыбка сбежала с ее губ, и выражение глаз стало настороженным и колючим.

– Я не буду вмешиваться в ваши отношения...

– Это очень великодушно! – не скрывая иронии, вставила Нонна.

– Профессия летчика требует полной собранности его духовных и физических сил.

– Боже, как это скучно! Обнесите городок монастырской стеной и читайте послушникам проповеди.

Резче, чем ему хотелось бы, Комов сказал:

– Я говорю с вами как с человеком, которому не безразлична судьба Астахова. Эта неразумная трата сил может привести к катастрофе!

– Астахов не мальчик и отлично понимает это сам! – бросила Нонна и, захлопнув дверцу машины, нажала на стартер.

Разговор не получился. Упрекая в этом только себя, досадуя на свое неумение подойти к человеку, Комов в состоянии крайнего раздражения долго ходил возле дома. Затем поднялся наверх, взял библиотечную книгу и направился к Лене.

Когда Комов пришел в библиотеку, Лена была одна. Стоя на стремянке, она укладывала книги на стеллаж. Солнце сто-

яло низко, его косые золотистые лучи, отраженные стеклом открытого окна, как бы пронизывали ее бронзовые волосы и легкое, свободное платье.

Увидев Комова, Лена прыгнула со стремянки и, дружелюбно улыбаясь, подошла к столу:

– Прочли? – спросила она, принимая у него томик Чехова.

Комов не терпел лжи. Он всегда говорил, что человек лжет в двух случаях – из корысти или чувства страха, но ответил:

– Прочел, – хотя добрая половина рассказов осталась непрочитанной, и, возвращая книгу, он лишь пользовался предлогом, чтобы увидеть Устинову.

– Что вам дать, Анатолий Сергеевич?

– На ваше усмотрение.

Леночка внимательно посмотрела на Комова, затем перевела взгляд на стеллажи с книгами и, подумав, сказала:

– Хотите Каверина – «Открытую книгу»? Я прочла и несколько дней ходила с хорошим, праздничным чувством, – Лена взяла с полки книгу бережно, как берут в руки хрупкую, легко быющуюся вещь. – Прочтете, скажете мне – ошиблась я или нет. Мне кажется, книги надо выбирать, как друзей, всерьез и надолго.

– Скажите, Леночка, что произошло между вами и Астаховым? – неожиданно для себя спросил Комов.

Девушка, вскинув на него свои зеленоватые, полные настороженного внимания глаза, как-то увяла и, уже не глядя

на него, сказала:

– Не знаю. Я все время над этим думаю. Мне кажется, что виною всему я сама. А порой виню только одного Геннадия. Он вспыльчив и болезненно самолюбив, а дружба не может жить без взаимных уступок, – стараясь разобраться во всем, что произошло, она задумалась и, видимо, не найдя нужных слов, посмотрела на Комова и спросила. – Понимаете?

Комов понял: Астахов не мог простить Лене ее внутренне-го превосходства, для этого он был слишком самолюбив и эгоистичен.

– Хотите, я поговорю с Астаховым?

– Нет, прошу вас, – сказала Лена, положив на его руку свою прохладную, легкую ладонь.

Испытывая неловкость, Комов с нарочитой оживленностью сказал:

– Ну хорошо, Леночка. Прочту книгу и приду к вам поговорить. До свидания! – уже в дверях бросил он и вышел из библиотеки.

По темнеющему небу, оранжевые от закатного солнца, словно парусные ладьи, плыли редкие кучевые облака. На клумбах, выращенных Леной около крыльца библиотеки, ночные фиалки еще дремали, плотно сомкнув в кулачки тонкие пальчики своих лепестков. Золотистые бархатцы и петунии повернули свои головки на запад, провожая уходящее солнце. Черный дрозд, точно пробуя голос, издал несколько переливчатых трелей, умолкнул и снова, уже во весь голос,

запел свою грустную трогательную песню.

Некоторое время Комов постоял на пороге, высматривая певца в густой листве подступивших прямо к дому деревьев, и почему-то вспомнил сказанные Леной слова о хорошем и праздничном чувстве.

Когда Комов свернул за угол большого жилого дома, он увидел техника-лейтенанта Родина и по мочалке, откровенно выглядывавшей из бумажного свертка в его руке, понял: Родин собрался в городскую баню. Отступив в тень дома, Комов, едва сдерживая смех, наблюдал за Родиным и Чингисом. Пригибаясь в густой траве, Чингис, точно на охоте, крался за Родиным. Разгадав этот маневр, Родин вернулся и решительно отослал пса в городок. Подчиняясь, Чингис неторопливой рысцой затрусил к городку, а Родин направился к автобусу. Отбежав на некоторое расстояние, Чингис воровато оглянулся и, прыгнув в траву, короткими перебежками стал настигать техника. Так продолжалось несколько раз, пока Родин не замахнулся на пса хвостом, поднятой на дороге. Чингис обиделся, поджал хвост и, уже не оглядываясь, побежал к городку.

У этого темношерстного с белыми подпалинами на груди пса была интересная история. Полк стоял на границе Монголии. Когда был получен приказ о перебазировании части, старый монгол арат, прощаясь с летчиками, подарил им щенка от своей собаки. Это был щедрый подарок. У скотоводов хорошая овчарка ценится дороже коня. Щенка называли Чин-

гисом. Его везли самолетом, спрятав за пазуху кожаной тужурки. Десять дней полк ехал на запад по железной дороге. Чингис дважды отставал от поезда, его находили и, вновь упрятав в кожаную тужурку, нагоняли свой эшелон. Чингис вырос, стал рослым, сильным псом. Безошибочно отделяя летчиков от людей других профессий, Чингис принадлежал только им и в то же время никому. Когда он хотел есть, настойчиво скребся в двери какого-нибудь домика в гарнизонном городке. Поев и в благодарность вильнув хвостом, он уходил. Пробовали собаку приучить к месту – купили ошейник, которому позавидовал бы любой пес знатных кровей, и посадили Чингиса на веревку. Чингис перегрыз веревку и по-прежнему вел свободную, независимую жизнь. Только одного человека не в кожаной тужурке, а в комбинезоне признавал Чингис – техника-лейтенанта Родина.

Некоторые считали, что дружба Родина и Чингиса зародилась и окрепла на одной почве – оба любили покушать! Подшучивая над их дружбой, говорили, что комбинезон техника, пропахнувший всеми запахами гастрономической лавки, точно магнит притягивает к себе пса. Это было неверно. Родин бескорыстно любил собаку, и Чингис, понимая это, платил Родину искренней дружбой.

Комов шел домой, но, увидев Родину, вспомнил, что сегодня во второй половине дня должен был приехать подполковник Жилин.

Особый отдел помещался в маленьком домике, на самом

краю гарнизонного городка.

Заглянув в окно с решеткой, Комов увидел Жилина. Подполковник, углубившись в работу, писал, на спинке кресла висела его куртка. Легонько стукнув в окно, Комов направился к двери. Жилин встретил его на пороге в куртке, застегнутой на все пуговицы.

Усадив майора Комова в кресло, подполковник внимательно выслушал его, приказал посыльному догнать и вызвать Родина, затем, подумав, Жилин задержал посыльного и спросил:

– К вам в кабинет, товарищ майор, можно?

– Можно.

– И чтобы сейчас же явился к майору Комову в штаб! – закончил он.

Посыльный выбежал из кабинета.

– Вы придаете этому какое-нибудь значение? – спросил Комов.

– Если вы, Анатолий Сергеевич, ознакомитесь с содержанием криптограммы...

– Она дешифрована? – перебил Комов.

– Да. Вот ее содержание, – подполковник протянул Комову узкий листок бумаги.

«Техника прибывает двадцать первого», – прочел Комов и почувствовал холодок на спине, как всегда, когда жизнь сталкивала его с грозящей неизвестной опасностью. Два-

дцать первого числа действительно в полк прибывал эшелон новой, более совершенной техники. Об этом знали: полковник Скопин, он – Комов, командир базы, секретарь партбюро Юдин и подполковник Жилин. Тревожный вопрос не давал покоя: «А что, если эта перехваченная криптограмма имеет прямое отношение к подозрению лейтенанта Роди-на?»»

Запыхавшись, вбежал посыльный и доложил, что тех-ник-лейтенант Родин уехал, автобус отправился десять ми-нут тому назад.

Досадливо поморщившись, подполковник отпустил по-сылного, сделал запись в блокноте и спросил:

– Как вы думаете, Родин вернется в общежитие или оста-нется на воскресенье в городе?

– Родин вернется в общежитие, – уверенно сказал Ко-мов, – у него в городе нет ни друзей, ни знакомых.

– Вы это знаете точно?

– Да, знаю.

От подполковника Комов шел по узкой лесной тропе. На душе его было беспокойно.

VI. Выстрел в спину

Воскресенье выдалось ясное, солнечное. Большинство людей ушло в лес по землянику и на речку. Гарнизонный городок опустел.

Комов проснулся с сознанием того, что его ждет неотложное дело. Пытаясь вспомнить, что он должен сделать, Комов долго ворошил в своей памяти события минувшего дня, но, так и не вспомнив, снова погрузился в дремоту – он читал до двух часов ночи и не выспался. Разбудил его резкий телефонный звонок. Взяв трубку, Комов услышал голос подполковника Жилина и вспомнил: он должен был с утра вызвать к себе Родина и сообщить подполковнику о его приходе.

– Сейчас, Василий Михайлович, я вам перезвоню! – сказал Комов и, дав отбой, потребовал общежитие офицерского технического состава.

Авдотья Ивановна, пожилая женщина, ведущая хозяйство в квартире офицеров-холостяков, сказала:

– Товарищ майор, техник-лейтенант Родин из города не вернулся, – она уже усвоила военную лаконичность диалога и очень этим гордилась.

– То есть как это не вернулся? – удивился Комов.

– Вчерась взял чистое белье и уехал в баню, а грязного не сдавал...

– Где же он?

– Стало быть, загулял.

Комов положил трубку телефона, наскоро оделся и пошел к подполковнику Жилину. Он шел через весь гарнизонный городок, и с каждым шагом тревога его росла.

В городке было тихо. Слабое дуновение ветерка вместе с запахом трав принесло с собой далекий гул самолетов. Это дежурное звено опробовало двигатели боевых машин.

Комов остановился, прислушался к гулу самолетов и невольно рассмеялся – вот она, причина таинственного исчезновения Родина: техник задержался поздно в городе, ну, скажем, пошел на последний сеанс в кинотеатр, а с трех тридцати утра экипаж капитана Панина заступал на боевое дежурство. Разумеется, Родин прямо из города, не заходя в общежитие, направился на аэродром. К Комову вернулось хорошее настроение. Когда он вошел в кабинет Жилина, подполковник поднялся к нему навстречу и, здороваясь, сказал:

– Вижу по вашему лицу, что все в порядке.

– Точно! – ответил Комов, пожимая руку помощника Жилина капитана Данченко. – Техник-лейтенант Родин в три тридцать заступил на боевое дежурство. Сейчас я позвоню на аэродром...

Комов взялся за трубку, лежащую прямо на полевом телефоне, но подполковник предупредил его:

– Не надо звонить, Анатолий Сергеевич. Техник-лейтенант Родин на боевое дежурство не явился. Капитан Панин

заменял самолет со всем экипажем. Это тем более непонятно, что за пятнадцать лет службы в армии Родин не имеет ни одного взыскания. У меня на столе лежит его личное дело. Капитан Данченко только что вернулся из города. Докладывайте, капитан!

— Родин выехал автобусом в двадцать пятнадцать, — докладывал Данченко. — Между двадцатью двумя и двадцатью тремя часами его видели в бане. В двадцать три с минутами около киоска, что на углу Минской и Кирпичной улиц, Родин выпил кружку пива. Здесь произошел скандальный инцидент между слесарем сельхозремонтного завода Мякишевым и техником-лейтенантом. Сегодня рано утром я допрашивал Мякишева. На допросе Мякишев, Тимофей Андреевич, двенадцатого года рождения, показал, что был на свадьбе, сильно, как он сам говорит, «набрался» и шел домой «на бровях», но в самом мирном настроении. На улице к нему подошел неизвестный гражданин, угостил папиросой и сочувственно сказал, что вот, мол, он, рабочий человек, в свободное время немного выпил, а его называют «пьяной свиньей», и указал ему на обидчика, в это время пившего пиво. Мякишев пришел в бешенство, поднял с мостовой булыжник и бросился на Родин. Не без труда удалось отнять у Мякишева камень. Родин, выпив кружку пива, расплатился и ушел, а Мякишев, ругаясь и грозя, пошел следом за ним, но потерял Родин в толпе, выходящей из парка. По моим расчетам, на последний автобус техник-лейтенант опоздал

и направился в гарнизон пешком кратчайшим путем, через совхоз «Октябрь». Показания Мякишева проверены и подтверждаются рядом свидетелей. Из города я возвращался по предполагаемому пути следования Родина, но нигде не обнаружил никаких следов.

— А быть может, произошел несчастный случай, человек мог попасть под машину... — высказал предположение Комов.

— Я запрашивал, никаких происшествий в городе и районе за истекшее время не произошло.

Комов вышел от подполковника Жилина в состоянии растерянности, в голову лезли мысли одна хуже другой. Если исчезновение Родина связано с высказанным им подозрением, то его собственная роль во всей этой истории незавидна, он не придал значения рассказу Родина и непростительно поздно сообщил об этом подполковнику Жилину. Неоднократно во всех подразделениях полка Комов проводил беседы по вопросам бдительности, иллюстрировал беседы конкретными случаями, заимствованными из книг, но сознание его плохо мирилось с тем, что он сам стал невольным участником подобного случая. Кроме того, отлично зная Родина, самого исправного техника полка, жизнерадостного, общительного человека и верного товарища, Комов не мог примириться с мрачными предположениями подполковника Жилина. Ему казалось, что вот сейчас из-за угла ближайшего домика, окруженного зарослями многоцветной мальвы, по-

кажется закусывающий на ходу Родин и рядом с ним неизменный Чингис.

«Чингис! А где Чингис?»

Обычно, пользуясь тем, что в день отдыха время завтрака тянулось нескончаемо долго, Чингис лежал на пороге летной столовой и, как говорили, «снял пробу». Сейчас было время завтрака, но Чингиса на пороге не было. Не оказалось его и в столовой.

Комов вышел на улицу и увидел эскадрилью «тяжелых бомбардировщиков», идущих на «большой высоте». «Бомбардировщиков», изготовленных из картона и дерева, несли на вытянутых руках ребята, надув щеки и жужжа, словно большие шмели.

– Ребята! – окликнул их Комов. – Вы не очень заняты?

– А что? – спросил сынишка штурмана полка, почесывая фюзеляжем бомбардировщика лупившееся, обожженное солнцем плечо.

– Есть, ребята, дело!

– Какое? – заинтересовались они.

– Нужно срочно найти Чингиса и доставить его ко мне.

– Доставишь его, он как хватит...

– Ну хорошо, вы только найдите Чингиса и сообщите мне.

Кто первый обнаружит собаку и доложит мне, получит благодарность приказом по «эскадрилье тяжелых бомбардировщиков».

Игра ребятам прилась по вкусу. «Эскадрилья ТБ» рас-

средоточилась и со зловещим гулом скрылась в разных направлениях в поисках намеченной цели.

Спустя некоторое время ребята доложили, что «цель не обнаружена», в гарнизонном городке Чингиса не оказалось.

Комов наделил ребят конфетами, выпроводил их и, позвонив подполковнику Жилину, рассказал ему об исчезновении вместе с Родиным и его верного спутника Чингиса, хотя накануне, он это видел, Родин ушел к автобусу один, а пес остался в городке.

– Интересно! – выслушав его, сказал Жилин. – Очевидно, Чингис, так же как и мы с вами, разыскивает Родина. Мой вам совет, товарищ майор, отправляйтесь на речку, отдохните, – предложил подполковник.

День выдался жаркий. Комов представил себе золотистый песок, тенистые берега реки, поросшие ольшаником, освежающую прохладу воды, и предложение Жилина показалось ему заманчивым. Он зашел домой, взял махровое полотенце, книгу и не спеша отправился напрямик через лес к реке.

На пляже он увидел лежащих рядом Астахова и Бушуева. Примирение обрадовало Комова; не замеченный ими, он спустился в густой подлесок к самому берегу реки, разделся и бросился в воду.

Примирение состоялось утром. Они встретились в столовой. Астахов сел за один стол с Бушуевым и сказал:

– Ты меня извини, Алексей, я был не прав...

Бушуев видел, что признание дается Астахову с трудом, и,

щая его самолюбие, как будто не замечая возникшей неловкости, предложил:

– Пошли, Гена, купаться!

Здесь, на реке, болтая о пустяках, они оба избегали вопросов, затронутых на бюро. Под вызывающими дремоту горячими лучами солнца вяло, часто обрываясь, плелась нить их беседы.

Когда Комов вышел из реки и растянулся на песке, на пригорке показался голубой «москвич» архитектора. Из автомобиля вышла Нонна, сбросила с себя шелковый халатик; в купальнике, раскрыв китайский зонтик, уверенно пошла она к Астахову и опустилась рядом с ним на песок. Увидев Нонну, Бушуев демонстративно поднялся, собрал свои вещи и шагах в ста выше по течению улегся к ним спиной.

В понедельник полетов не было, полк занимался предварительной подготовкой к полетам. На построение полка техник-лейтенант Родин не явился.

В этот же день после полудня агроном Забелин вышел из кабинета Комова и направился к себе в совхоз «Октябрь», земли которого раскинулись между территорией полка и предместьем города. Агроном был доволен – в ближайшее воскресенье совхозу обещана помощь. Травы стояли хорошие, и если в воскресенье люди выйдут на луга, – быть совхозу с сеном!

«Надо хорошенько накормить косцов, – думал Забелин. – Правда, их ни мясом, ни маслом не удивишь, – агроном от-

ведал солдатских щей. — Но мы им подбросим ранних помидоров да по кринке топленого молока!» — решил он и, придя в отличное настроение, размахивая на ходу полевой сумкой, агроном запел песню о «...дивчине, да о чернобровой...»

Агроном шел лесом и пел. По мере того как темнее и глуше была лесная чащоба, глуше становилась и песня, потом она угасла совсем. Забелин шел молча. Внезапно далеко впереди себя он услышал злобный собачий лай. Агроном прислушался и пошел быстрее. На вырубке, поросшей молодым подлеском, зажмурившись от яркого солнца, он остановился и вновь услышал собачий лай. Когда агроном открыл глаза и после сумрака чернолесья стал различать предметы, он увидел, как стая ворон, неистово каркая, кружила над молодыми деревцами. Сделав круг, воронья стая камнем пала в кленовый подлесок, но злобный собачий лай вспугнул птиц. Они вновь поднялись и, нещадно каркая, слетались в плотную стаю.

Осторожно, стараясь не наступать на сухой валежник, агроном подкрался к молодым кленам, раздвинул ветки и заглянул на полянку.

Лицом вниз на поляне лежал человек. Он был одет в офицерскую тужурку. Забелин различил на серебряных погонах с одним просветом две звездочки. В стороне он увидел бумажный сверток, из которого выглядывала банная мочалка, и в полуметре от нее фуражку с авиационной эмблемой. Из

кармана тужурки торчала надорванная и наполовину разворованная хомяком пачка печенья. Хомяк, с защечными мешками, набитыми печеньем, лежал здесь же, задушенный рослым темношерстным псом, который, точно в карауле, ходил вокруг лежащего человека и, угрожающе рыча, смотрел на кроны деревьев, где шумно спорило воронье.

Почувяв человека, пес насторожил уши и замер, затем бросился вперед и, заскулив, заметался по поляне. Забелин подошел к лежащему, нагнулся над ним и только теперь заметил на его спине маленькое пулевое отверстие. Тело убитого уже успело остыть.

Агронома охватил страх, он поднялся и бросился обратно в полк. Он бежал, ничего не разбирая, натываясь на пни и кустарники.

Вызванный по требованию подполковника Жилина судебно-медицинский эксперт вскрыл тело Родина здесь же, в лазарете. Капитану Данченко пришлось несколько часов дожидаться в приемной, пока эксперт полковник медицинской службы Хлынов и подполковник Вартанян не закончили вскрытия.

Хлынов, пожилой человек, седой, большеголовый, стриженный бобриком, вышел из секционной и, вытирая руки полотенцем, сказал капитану Данченко:

– Первый случай в моей практике. Отдельные органы трупа необходимо срочно отправить на судебно-химическую экспертизу. Прошу вас, капитан, договориться насчет само-

лета.

– Вас ждет подполковник Жилин, – доложил капитан.

– Хорошо, проводите меня к подполковнику, – согласился Хлынов и, надев фуражку, вышел из лазарета.

Данченко довез эксперта до отдела и на этой же машине поехал к командиру полка, чтобы договориться о самолете.

Хлынов сел в предложенное ему кресло и медленно, испытывая терпение Жилина, заговорил:

– В него стреляли с близкого расстояния. Пуля попала в левый плевральный синус во время выдоха, не задев легкое и не затронув диафрагмы. Пуля, будучи немного запылена, у конца развернулась на четыре маленьких лепестка. После такого, я бы сказал, удачного ранения, когда не задет ни один жизненно важный орган, раненый через десять дней был бы работоспособен, но... Смерть наступила мгновенно от паралича сердца. Я не могу сказать этого с уверенностью, но мне думается, что пуля была отравлена...

– Вам ассистировал подполковник Вартанян? – озабоченно спросил Жилин.

– Не беспокойтесь, Василий Михайлович, я своих познаний никому, кроме вас, не высказывал, – сказал Хлынов, – как-никак тридцать лет судебно-медицинской практики.

– Вы не могли бы определить день и время смерти?

– Можно предположить, что смерть наступила между двадцатью двумя и двадцатью тремя часами в ночь с субботы

на воскресенье. Я повторяю: можно только предположить, – подчеркнул Хлынов.

Вошел капитан Данченко и доложил, что самолет готов к вылету.

– Товарищ капитан, вы отправитесь вместе с полковником медицинской службы, дождетесь результатов судебно-химической экспертизы и привезете заключение, – распорядился Жилин.

Данченко вернулся в полк только под утро и прямо с аэродрома явился в отдел, где его ждал подполковник.

Вскрыв конверт, Жилин прочел письмо:

«Уважаемый Василий Михайлович! Все-таки мне пятьдесят семь лет, и я чертовски устал; написать протокол экспертизы нет сил, но, зная, что вам дорога каждая минута, сообщаю результат: пуля калибра 7,65 надпиlena и отравлена соком семян строфантуса. Строфантус действует мгновенно, вызывая паралич сердца. Известен этот яд давно. Еще негры, живущие у озера Танганьика и по реке Замбези, пользовались соком строфантуса для изготовления отравленных стрел. Строфантус – разновидность, очевидно, известного вам комнатного цветка олеандра.
С приветом, полковник медицинской службы
Хлынов».

VII. Гроза

В полку не были известны события, предшествовавшие смерти Михаила Родина. Об этом позаботился подполковник Жилин. Из города ползли слухи один нелепее другого; сходились они в одном: лейтенант был убит Мякишевым из чувства ревности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.